Россия. – 2003. – 14 окт. – с. 19

Из лабиринта полифонии маэстро выбрался без нити Ариадны

Фото ИТАР–ТАСС

МАГИСТР ИГРЫ

Ирина Муравьева

Михаил Плетнев с Российским национальным оркестром дал первый концерт цикла, подготовленного совместно с петербургским фондом «Музыкальный Олимп» к 100-летию пианиста Владимира Горовица.

В этот вечер в Большом зале консерватории звучали Бах и Моцарт – два разных музыкальных мира, соединенных идеалом гармонии. В первом отделении исполнялась Шестая партита Баха и «Чакона» Баха-Бузони, во втором – моцартовские Скерцо и Концерт №20 для фортепиано с оркестром.

Светский ритуал концерта – с юбилейным дизайном сцены, подсветками, цветочными горшками и аншлагом в зале – оттенял сосредоточенную, рациональную манеру игры пианиста. Его «архивариусная» скрупулезность, оборачивающаяся порой сухостью и нарочитой бесстрастностью, на сей раз покорила высоту эталона. Казалось, за инструментом сидит не исполнитель, а магистр игры, тонко распределяющий звуки, тембры, краски образов, выхваченных им из невидимого пространства музыки.

Беспрерывно бурлящая музыкальная ткань напоминала барочную лепнину, сквозь которую проступали линии и контуры баховских образов. «Вычерченные» острым карандашом темы, бездны низких регистров, филигранное движение мелких нот. И весь этот лабиринт полифонии, напоминающий лабиринты готических соборов, прорывался то интонацией проповеди, то ликующими аккордами, то прозрачными звуками, словно стекающими по клавиатуре «от неба до земли». В Партите Плетнев воздвигал звуковой «храм», позволяя ощутить магическое равновесие музыки скромного кантора, каковым всю жизнь числился Бах и которого в романтическую эпоху серьезно считали явлением от самого Бога.

В музыке Моцарта лучезарное настроение окрашивалось легкой грустью. Плетнев, солируя, сам же дирижировал оркестром. Но, мнилось, идеальный ансамбль музыкантов не требовал его дирижерского вторжения, так как качество его звучания было уже достигнуто и проявлялось само по себе. Виртуозные «венские» пассажи, клубящиеся под пальцами пианиста, растворялись в гибких волнах оркестра. Вся ткань музыки Моцарта сияла радостью звуковой игры и какого-то детского простодушия, возвращавшего нас к мифу о «беззаботном» гении. Это была радость жизни, пойманная в сети октав и арпеджио. Нескончаемый, неостановимый бег музыки напоминал механизм таинственного perpetum mobile, движущего миром. Казалось, Плетнев в этот вечер не просто играл, а открывал слушателям действие высшего музыкального закона, которому подчинялись и Моцарт, и Бах.

Плетнев Михаил

14.10.03